

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОДЕЖДЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Люй Цзиньянь

Воронежский государственный университет

Аннотация: В данной статье рассматриваются русские фразеологизмы с названиями одежды, в которых большую роль в отражении русской культуры играет денотативное, прототипическое значение. Указанные особенности фразеологизмов облегчают их преподавание в иностранной аудитории.

Ключевые слова: фразеология, денотативное значение.

Abstract: This paper deals with Proverbs units which include names of items of clothes. Denotative and prototypical of this Proverbs units play a big role in reflection of the Russian culture. These peculiarities of the Proverbs units make them easy to teach a foreign audience.

Key words: phraseology, denotative meaning.

Задачами лингвокультурологии являются эксплицирование культурной значимости языковой единицы (т.е. «культурного знания») на основе соотнесения прототипной ситуации фразеологизма или другой языковой единицы, его символического прочтения с теми кодами культуры, которые известны или могут быть предложены носителю языка лингвистом. Культурные знания — это часть культурно-языковой компетенции говорящего на данном языке [Маслова, 2004, с. 11]. Предметом исследования в лингвокультурологии, считает В.А. Маслова, являются прежде всего слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении (см. лингвострановедческую теорию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова). Это слова и выражения типа *баклуши* (*бить баклуши*), *щи*, *каша*, *баня* (*задавать баню*), *пропал как швед под Полтавой* и т.д. [Маслова, 2004, с. 12], а также обрядно-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке во фразеологизмах, пословицах, образах, метафорических единицах [Маслова, 2004, с. 13] и др.

Особое внимание в лингвокультурологии уделяется фразеологизмам, потому что фразеологический состав языка — это «зеркало, в котором лингво-культурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 6]. Именно фразеология как бы навязывает носителям языка особое видение мира, ситуации (*сесть в калошу*) [Маслова, 2004, с. 40].

Однако разные типы фразеологизмов по-разному отражают культуру. Во фразеологизмах с названиями одежды, как показало наше исследование, большую роль играет денотативное, прототипическое значение. Эти фразеологизмы в самом своем

лексическом составе содержат указание на сферу материальной культуры (в данном случае — на одежду, которую носили или еще носят россияне, и которая во многом отличает от китайской). Названия предметов одежды в русских фразеологизмах относительно китайского языка являются безэквивалентными или неполноэквивалентными, что придает значению этих фразеологизмов с данными словами национально-культурное своеобразие (*щи лаптем хлебать*, *за мамину юбку держаться*, *тупой как сибирский валенок*). К тому же прототипы фразеологизмов содержат сведения о том, как использовались в России те или иные предметы одежды, т.е. содержат сведения из бытовой сферы (*снимать шляпу* (*шапку*) (перед кем), *оставить в (одной) рубашке* (кого), *бросить перчатку*, *поднять перчатку* и т.д.).

Однако прототипная ситуация, соответствующая «буквальному» значению фразеологизма, в некоторых фразеологизмах с названиями одежды затемнена (забыта), и её восстановить помогают историко-этимологические словари русской фразеологии.

Так, относительно появления фразеологизма *закидать/закидывать шапками* (ирон.) в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» под ред. В.М. Мокиенко [Мокиенко, 2005], сообщается, что, возможно, оборот связан с переговорами перед кулачными боями, когда противники старались раззадорить друг друга. Предполагается также, что это видоизменение выражения *закидать шайками* (что делалось в банях во время возникающих там драк), ср.: *не говори этого в бане — шапками закидают* (о чем-то смехотворном и вздорном). Менее убедительно предположение, что оборот восходит к обычаю бить шапками оземь в раздражении, гневе [Бирих, 2005, с. 763—764].

О фразеологизме *дать/давать по шапке (кому)* (прост.) сказано, что выражение восходит к той же символике головного убора, что и оборот *снять шапку*. В разговорной речи оборот кантоминировался с сочетанием *дать по шапке* в значении «наказать, избить», отчего смысл его несколько изменился. Выражение же *ломать шапку* (перед кем-либо) первоначально значило «приветствовать с поклоном и снятием головного убора». Обычно так приветствовал в знак уважения младший старшего или низший по чину или социальному положению — высшего; ср.: «его братья ... только что не молились на него, шапки перед ним издали ломали, гордились им» (И.С. Тургенев. *Однодворец Овсяников*) [Бирих, 2005, с. 763—764].

Выражение «*снять шапку (платок)*» (устар.) появилось потому, что на Руси, как и у многих других народов, шапка была не только предметом одежды, но и символом независимости и добропорядочности. Поэтому в средневековой Москве, например на Красной площади, несостоятельные должники обычно наказывались тем, что с мужика публично снималась шапка, а с женщины — платок. Это означало, что их лишают всякого доверия. Подобное публичное наказание считалось большим позором (ср.: *опроставолосить* кого-либо, т.е. сорвать шапку с головы) (на сходне, на торге), «опозорить», «объявить мошенником» [Бирих, 2005, с. 764].

О фразеологизме *пускать / пустить шапку по кругу* (народн.) сказано: первоначально — каждый член деревенской общины клал в шапку столько денег, сколько мог [Мокиенко, 2005, с. 764].

О фразеологизме *ох, тяжела ты, шапка Мономаха* (шутл.) читаем: заключительные слова сцены «Царские палаты» драмы А.С. Пушкин «Борис Годунов». Др.-греч. Мономах — «единоборец»; такое прозвание присоединяли к именам некоторых византийских императоров. На Руси его носил Великий князь киевский Владимир (начало XII в.). Шапка Мономаха — головной убор, представляющий собой символ царской власти. Шапкой Мономаха венчались на царство московские цари, а само выражение получило в произведении Пушкина метафорический смысл: «трудно управлять государством». [Бирих, 2005, с. 763].

Выражение *быть под колпаком у кого-нибудь* — быть под чьим-то пристальным надзором, совершив некоторую неосторожность, дав повод для подозрения, стало распространенным и известным в русском языке в связи с популярностью фильма «Семнадцать мгновений весны», снятого по одноименному роману Юлиана Семёнова. Од-

нако, как отмечает В.М. Мокиенко, слова *колпак* в русском языке употреблялось ещё в поговорке, записанной В. Далем, — *жена мужа колпаком покрыла* (или *в колпак нарядила*), т.е. подчинила себе, сделала «колпаком», околпачила (Даль, II, 143). Однако происхождение данного фразеологизма другое: в немецком языке есть весьма точные — и формально и семантически — прототипы «миллеровского» выражения: *jemanden etwas unter (in) seine Hut nehmen* «принимать под надзор», *unter jemandes Hut sein (stehen)* «находиться под чьей-либо охраной, защитой, опекой, покровительством» и т.п. (БГ, 300—304; ГГ, 362). В.М. Мокиенко выражение *быть под колпаком* считаем оригинальной фразеологической калькой с немецкого. Но это выражение во многом опирается и на русскую народную поговорку *накрыть колпаком* — «обмануть», и на фразеологизм *жить под стеклянным колпаком*, и в особенности — на сравнение *жить как под стеклянным колпаком* — «жить у всех на виду». В сущности, можно утверждать, что в данном случае удельный вес заимствованного, калькированного равен удельному весу традиционного русского: ведь именно длительная семантическая эволюция заимствованного тюркского слова *колпак* и сочетания, в которые оно входит, подготовили мгновенную адаптацию этого фразеологизма современным русским языком. «Роман Ю. Семенова, в котором Мюллер часто употреблял этот фразеологизм, как бы активизировал тем самым устаревшие обороты с компонентом *колпак*, вдохнул в них новую жизнь» [Бирих, 2005, с. 178—184].

В русском языке много фразеологизмов (26) не только со словом *шапка*, но со словом *карман*, которое имело и переносное значение «вместилище денег, богатства». Однако в фразеологизме «*держи карман шире*» слово «карман» сохраняет устаревшее теперь значение — «мешочек или сумка, пристегиваемая или пришиваемая к одежде или поясу для хранения чего — либо». Такой карман — сумочку — можно было носить, держать, подставлять, расширять, растопыривать и т.п. В русских фразеологизмах со словом «карман» (в архаическом значении) метафорическое значение прозрачно (*залезть в карман, набить карман, тощий карман, тряхнуть карманом, не по карману* и др.), оно отталкивается также от старого значения слова «карман» [Бирих, 2005, с. 290—291].

Выражению «*затыкать / заткнуть за пояс*» (кого), как сообщается в историко-этимологическом словаре-справочнике, восходит к употреблявшейся в русском и славянских языках формуле

похвальбы перед поединком, как подчеркивание неоспоримого физического превосходства над противником. Пояс у славян считался символом силы и здоровья. В русских деревнях матери не отпускали детей на улицу, не подпоясав их. В противном случае, по суеверным представлениям, на них могли напустить порчу. Во время работы мастеровые и рабочие за пояс, бывший обязательной принадлежностью одежды, засовывали инструмент и рукавицы. Приводятся и другие мнения о происхождении этого фразеологизма: его связывают с русской народной борьбой «на поясах», при которой противника хватили за пояс и бросали на землю. Также происхождение фразеологизма связывают и с весьма распространенным приемом обереговой магии — затыканием за пояс каких-либо предметов. Русские пастухи, стремясь оградить стадо от нечистой силы, болезной и дурного глаза, обходили вокруг стада с произнесением заговора, заткнув за пояс топор. По одному из поверий, женщина после родов на протяжении сорока дней не должна отходить далеко от дома; выходя из дома, она затыкала за пояс нож как средство от сглаза [Бирих, 2005, с. 567].

Выражение *бросать / бросить перчатку* (кому) восходит к средневековым рыцарским боям, когда брошенная под ноги или в лицо противнику перчатка служила вызовом на поединок или турнир. *Поднять перчатку* означало принять вызов, дать согласие на поединок. Позже дворяне, вызывая на дуэль, также бросали перчатку к ногам противника. В русском языке выражение стало употребляться в XVIII — XIX вв. [Бирих, 2005, с. 526].

О фразеологизме *засучив рукава / работать* сказано:

1. В Древней Руси носили верхнюю одежду с очень длинными, до колен или даже до земли, рукавами, поэтому работать можно быть только засучив рукава

2. Выражение не сугубо русское, хотя все популяризаторы подчеркивают его национальную специфику; нем. *Die Ärmel in die Höhe streifen (aufstreifen, hochkrepeln)*, например, объясняют старинной модой носить длинные манжеты, мешающие работе (Röhrich 1, 1990, 101—2). Специфична и исторически закреплена при этом причастная форма русской идиомы, хотя в речи активны и формы *засучить рукава, засучим рукава, засучил рукава* и т.п. [Бирих, 2005, с. 613].

О фразеологизме *родиться в сорочке (в рубашке)* (разг.) в страноведческом словаре читаем: *сорочка* — зд. околоплодный пузырь, покрывающий

тело или голову новорожденного ребенка. По суеверным представлениям, тот, кто родился в такой оболочке (что бывает очень редко), будет счастливым в жизни. Эту пленку восточные славяне, поляки и чехи называют также «шапочкой счастья», венгры — просто «пленкой», а монголы «отцовской шубой». Причем у этих и других народов рождение «в сорочке» считается счастливым предзнаменованием. Поэтому в старину плодный пузырь нередко высушивали и вшивали в одежду ребёнка — на счастье. Несмотря на универсальность подобных представлений, выражение со словом «сорочка» — национально-специфическое, исконно русское. Сорочка — русская мужская рубашка с косым воротом, которая носилась навывпуск и подпоясывалась, была признаком материального благополучия в крестьянских семьях. В бедных семьях не все (особенно дети) имели сорочку, что придает выражению и «материальный» смысл: о том, кто родился уже «одетым в сорочку» и, следовательно, богатым. Таким образом, выражение *родиться в сорочке (в рубашке)* (разг.) характеризует удачливого, везучего человека [Фелицына, Мокиенко, 1990, с. 136].

О фразеологизме, *держат в ежовых рукавицах* (кого) читаем:

Ежовые рукавицы (голицы) — рабочие кожаные рукавицы без подкладки и меха, которые служили для защиты рук от повреждений при работе. Они предназначались и для ловли ежей. Выражение известно с XIX в. Однако в составе пословицы встречается еще в первой половине XVIII в.: *ежовыми рукавицами да за мягкое тело приниматься* [Мокиенко, 2005, с. 613].

О выражении *руки в брюки* говорится, что это собственно русское выражение. В русской одежде раньше не было карманов. Нужные вещи затыкали за пояс, клали в шапку, вешали на шею или прятали за пазуху. Карманы москвиты увидели только в XVIII в. у приезжающих в Москву европейцев. Неприязненное и насмешливое отношение к иностранцам было перенесено и на их одежду [Бирих, 2005, с. 609].

Национально-культурное своеобразие фразеологизмов, прототипы которых отражают особенности русской культуры, создается, таким образом, не только безэквивалентными и неполноэквивалентными (относительно китайского языка) наименованиями предметов одежды, но и сам прототипом таких фразеологизмов.

Однако некоторые фразеологизмы с названиями одежды в указанном выше словаре возводятся к

калькам с соответствующих выражений европейских и восточных языков (*быть под башмаком / каблуком; пропустить / закладывать за галстук*). В них денотативный аспект семантики в меньшей мере является источником сведений о русской культуре.

Прототипом отдельных фразеологизмов с названиями одежды являются фрагменты русских стихотворений. Так, *Тришкин кафтан* является названием басни (1815) И.А. Крылова, в которой рассказывается, как её герой — Тришка — для починки продранных локтей кафтана отрезал рукава, а для того, чтобы нарастить рукава, отрезал полы, и в результате кафтан стал таким, «которого длиннее и камзолы».

Фразеологизмы *костюм Адама* и *костюм Евы* восходят к тексту Библии (Ветхий завет).

В денотативной, прототипной семантике фразеологизмов с названиями одежды, как правило, отражаются особенности материальной, бытовой русской культуры. Этот план во многих фразеологизмах является доминирующим: лексическое значение и культурные коннотации названий одежды учитываются при формировании метафорического плана таких фразеологизмов: *заткнуть за пояс; рубаха-парень, засучив рукава* и др. Таковы особенности русских фразеологизмов с названиями одежды в лингвокультурологическом аспекте; они относятся к фразеологизмам, в значении которых большую роль играет именно денотативный аспект, что отметила еще в 1991 г. В.Н. Телия [Маслова, 2001, с. 42].

Указанные особенности фразеологизмов с названиями одежды облегчают их преподавание в иностранных аудитории. В.А. Маслова по этому поводу пишет: «Проще всего понять и объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет денотативный аспект» [Маслова, 2001, с.4]. Для примера она рассматривала фразеологизмы «с названиями предметов национальной культуры: *щи лаптем хлебать* (об очень простом человеке), *как с писаной торбой носить* (уделять много внимания), которые в своем лексическом составе содержат указание на сферу материальной культуры — щи, лапоть, торба; их значение и неодобрительная оценка формировались с учетом значения этих лексем. Так, щи — простая народная пища, вместо ложки употребляется простейшая обувь — лапоть, кушать которыми не принято, отсюда неодобрительная оценка; торба — вид сумки, которую раньше но-

сили нищие и прочий простой народ, она не является ценной вещью, а отсюда те, кто носит ее с ней, вызывают неодобрение. Сюда же относятся фразеологизмы, в которых отражается история народа — *мамаево побоище коломенская ворота, как швед под Полтавой* в другие, в которых содержатся страноведческие знания, их понимание связано со знанием некоторых исторических фактов» [Маслова, 2001, с. 41—42]

Приведем ещё несколько примеров, подтверждающих высказанные выше положения.

Так, фразеологизм *два сапога — пара* (разг., ирон.) — о двух людях, вполне подходящих друг к другу, внешне сходных по своим недостаткам, включает слово *сапоги*, которое в русских пословицах В. Даля противопоставлялось *лаптям*, т.к. сапоги обычно носили богатые люди или щеголи, желавшие прослыть богатыми: *сапожки со скрипом, да каша без масла; не осуди в лаптях: сапоги в санях* (говорит гость, входя); *ходит франтом: сапоги с рантом*. Значение и культурный лексический фон слова *сапог*, таким образом, обусловили ироническую окраску и метафорического значения всего фразеологизма.

Фразеологизм *рубаха-парень* — в переносном значении «открытый, простой в обращении человек» впитал в себя особенности семантики и экспрессивно-стилистической окраски слов *рубаха* и *парень*. Парень — 1) юноша, молодой человек (разг.), 2) *вообще человек, мужчина* (прост.); рубаха — как отмечалось выше, — национальная русская реалия, шилась из тонкой материи, была свободной, подпоясывалась поясом.

Наши примеры подтверждают утверждение В.А.Масловой, что русские фразеологизмы с названиями одежды могут легко усваиваться в иностранной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА И СЛОВАРИ:

1. *Бирих. А. К.* Русская фразеология: историко-этимологический словарь: / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; С.-Петербург. гос. ун-т, Межкаф. словарь. каб. им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: 2005. — 926.
2. *Маслова В. А.* Введение в лингвокультурологию: Учеб. Пособие / В. А.Маслова. —2-е. Изд., стер. —М.: Академия, 2004, — 202с.
3. *Телия В. Н.* Что такое фразеология? / В. Н. Телия. — М.: 1996. — 86с.
4. *Фелицина В.П.* Русские фразеологизмы. Лингвофонетический словарь /В.П. Фелицина, В.М. Мокиенко // Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. — М.: Русский язык, 1990. — 221 с.